

что-то недозволительное. Экземпляр с вычеркнутыми рукою цензора вышеприведенными словами был принесен в дар Обществом поощрения художеств б. Пушкинскому Дому и описан в упомянутой выше работе М. Д. Беляева и Е. П. Населенко под № 13.

На этом мы и закончим наши беглые заметки на книгу Либровича, выразив пожелание, чтобы к приближающемуся столетию со дня смерти Пушкина была издана новая работа по его иконографии, которая бы заменила собою работу С. Либровича, честно отслужившую свою полувековую службу.

М. Б е л я е в

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Повидимому в частном владении имеется и еще ряд портретов этой серии.

По крайней мере несколько лет назад пишущему эти строки предлагали принести несколько подобных портретов. Однако обещание это так и не было выполнено и след портретов снова затерялся.

² Благодаря любезности О. И. Поповой нам удалось получить точную справку о записи этого портрета в инвентарные книги Исторического Музея, где значится так: Шифр Отдела бытовой иллюстрации И. П 2028 Инв. № 42567 (Бахрушинского собр.). Описание: «А. С. Пушкин. Поясн. $\frac{3}{4}$ вправо. Сидит в сером халате, в белой сорочке с отложным воротником, в черном шейном платке, облокотясь правой рукой, на которой два кольца, на стол. Фон темносерый. Портрет—в светлом паспарту. Размер 24,8 × 21,5. Бумага, акварель, перо». На обороте портрета надпись (далее идет текст надписи, приведенный нами выше).

Вслед затем в инвентаре Исторического Музея написано: «Знаменитый художник Василий Андреевич Тропинин писал портрет А. С. Пушкина в 1827 г. в Москве (есть еще рис. Кипренского, в сюжете со сложными на груди руками, со статуей, по просьбе С. Соболевского (библиофила). См. альбом Пушк. выставки 1880 г., изд. Общ. Росс. слов., редакц. Л. Поливанова. М., 1882, стр. 100), очень схож с этим портр. на 102-й и 103-й стр. прочти о похожд. портр. оригинала. Н. Н.—А. С. Пушкин род. в Москве 26 Мая 1799, умер в СПб. 29/1 1837 (волосы на голове А. С. Пушкина были темнорусые)». Повидимому эта последняя, весьма подробная, но не совсем толковая часть записи списана в инвентарь Исторического Музея тоже с надписи на портрете или с сопровождавших его при поступлении в музей документов.

³ Либрович утверждает, что портрет был подарен Пушкиным А. О. Россет, от него перешел П. Н. Батюшкову и от последнего В. П. Мещерскому.

⁴ См. альбом Пушкинской выставки в Москве. М., 1899, табл. 5 и стр. 2, № 12.

⁵ Воспроизведен при нашей статье об Онегинском собрании в журнале «Прожектор» за 1928 г.

⁶ Куда приобретен покойным владельцем в 1902 г. через М. Н. Кузнецова у антиквара В. X. Гобермана, к которому портрет поступил после смерти С. А. Шилова. По преданию портрет этот идет из семьи Ушаковых.

⁷ В 1899 г. принадлежал М. А. Веневитинову и был выставлен на московской Пушкинской выставке в Историческом Музее под № 14.

III. ПУШКИН И ВЯЗЕМСКИЙ НА РИСУНКЕ ДЕ-КУРТЕЙЛЯ

В Архангельском, бывшей подмосковной известного екатерининского магната Н. Б. Юсупова, хранится рисунок работы Николая Де-Куртейля, изображающий Юсупова, окруженного гостями и принимающего от крестьян поздравления. Сам по себе рисунок не представляет особого интереса: налицо та сладенькая феодальная идиллия, какие до передвижников часто писали наши художники для помещичьих гостиных. Но он интересен тем, что среди гостей Юсупова имеется два персонажа, один из которых—небольшого роста, с курчавыми волосами и бачками—чертами лица довольно близко напоминает Пушкина, а другой—высокий, в очках, похож на Вяземского. Композиционно рисунок построен так, чтобы фигуры Юсупова и обоих этих персонажей оказались в центре.

К какому времени может быть приурочен этот рисунок? Вообще Пушкин знал Н. Б. Юсупова повидимому довольно хорошо. Недаром он сумел по памяти так метко и сходно с оригиналом зарисовать фигуру дряхлеющего вельможи (см. выше, стр. 507). Известно, что Пушкин бывал в Архангельском. Так Бартепов, основываясь на рассказах Соболевского, сообщает о совместной поездке последнего с Пушкиным

в Архангельское «ранней весной, верхами», где «просвещенный вельможа екатеринских времен встретил их со всею любезностью гостеприимства» («Русский Архив» 1899, кн. II). Эта поездка могла быть только весной 1827 г., так как весной 1828 г. Пушкин в Москве не жил, а с декабря 1828 по 1833 г. Соболевский был за границей. Известно еще посещение Пушкиным Юсупова 30 декабря 1830 г. (письмо Пушкина к Вяземскому от января 1831 г.).

Настоящий рисунок конечно не передает посещения Пушкиным Архангельского совместно с Соболевским. Персонаж, изображенный рядом с поэтом, напоминает именно Вяземского и не имеет ничего общего с Соболевским. Кроме того перед нами летний пейзаж: улица сухая, деревья в зеленой листве, все одеты в летние костюмы, многие без головных уборов, дети босые и полуголые. Пушкин изображен в обычной одежде, а не в костюме для верховой езды.

Когда же могло состояться посещение Пушкиным Архангельского, послужившее сюжетом для интересующего нас рисунка?

Приведем несколько соображений на этот счет. Известно, что появление в печати пушкинского «Послания к вельможе» принесло ряд неприятностей и огорчений и Пушкину, и Юсупову. В частности Полевой в прибавлениях к «Московскому Телеграфу» поместил сцену «Утро в кабинете знатного барина», обидную и для того, и для другого. Цензор С. Н. Глинка как пропустивший статью, возбуждавшую «по дерзким и явным намекам на известную особу по своим заслугам государству... негодование всех благомыслящих людей», был смещен. Особенно серьезно был расстроен создавшимся положением Пушкин, остро переживавший травлю и сожалевший пострадавшего С. Н. Глинку. Неудивительно, что в это время и в связи с указанными событиями Пушкин мог встречаться с Юсуповым и эти встречи могли состояться в Архангельском.

Нижеследующие соображения позволяют еще точнее установить дату исследуемого нами рисунка. 10 августа 1830 г. Пушкин вместе с Вяземским выезжает из Петербурга в Москву, куда они прибывают 14 августа. Весь остаток августа Пушкин проживает в Москве, в доме Вяземского, по Чернышевскому пер. и успевает съездить с Вяземским в Остафьево. Приехав в Москву, Пушкин нашел умирающим своего дядю Василия Львовича, которого посетил 18 августа и которого хоронил 23 августа. 26 августа Пушкин был на балу у Гончаровой, происходившем в день именин будущей жены поэта Натальи Николаевны. 30 августа Пушкин записывает в Москве стихотворение «Мадонна» в альбоме Юрия Бартенева, а 31 августа уезжает в Болдино. Следовательно его совместная с Вяземским поездка в Архангельское может быть отнесена только к 28 или к 29 августа.

Судя по рисунку, прием Юсуповым крестьян происходил возле церкви. Колокольня, башни ограды и башни больницы, стоявшей около ограды, показаны на рисунке. Дом является одним из зданий усадьбы, которые стояли вдоль дороги от так называемых «святых ворот» к церкви, сзади больницы.

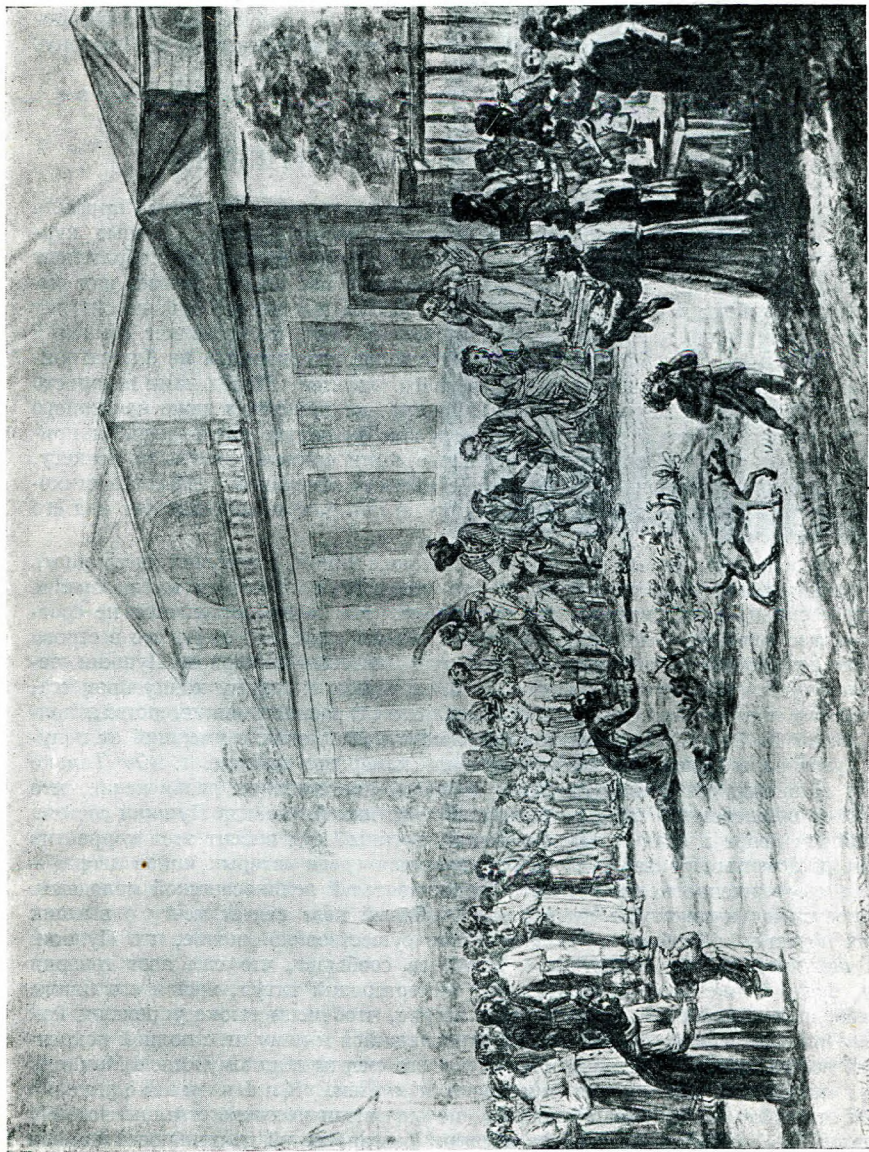
Изображенная на рисунке природа вполне подходит к позднему августу. Среди подношений видим зрелые фрукты. Поздравления от крестьян Юсупов принимал 29 августа в день престольного праздника в Архангельском.

При этом свидании с Юсуповым Пушкин несомненно затрагивал злободневные для него и для Юсупова темы: статью Полевого, всяческие толки о послании, вопрос о смещении Глинки. Отметим, что 2 сентября, т. е. на другой день после отъезда Пушкина в Болдино, Вяземский пишет просительные письма за Глинку к Е. М. Хитрову и Д. Г. Бибикову («Русский Архив» 1899, кн. II). Весьма вероятно, что эти письма как-либо связаны с рассматриваемым нами эпизодом.

Следует думать, что именно об этом посещении Архангельского Пушкин рассказывал позднее Максимовичу. Это воспоминание было вызвано у Пушкина разговором с Максимовичем о «Послании к вельможе» и о статье Полевого («Русский Архив» 1887, кн. III). Этот разговор вряд ли мог иметь место на обеде у С. С. Уварова в сентябре 1832 г. и конечно не мог произойти при встрече Пушкина с Максимовичем в октябре 1829 г., когда «Послание к вельможе» еще не было напечатано.

В заключение остается сказать несколько слов о самом рисунке и его мастере. Рисунок сделан сепией, на бумаге. Размер 41×54 см. Слева внизу подпись художника по-французски: De Courteille.

Николя Де-Куртейль (Nicolas de Courteille) родился во Франции в 1768 г. С 1784 г. учился в Парижской академии художеств у живописца Жюльена, выставлялся в Салоне. В 1802 г. Куртейль бежит в Россию и в 1806 г. принимает русское подданство. В 1811 г. за картину «Амур и Психея» Куртейль получает звание

СЦЕНА В АРХАНГЕЛЬСКОМ—ИМЕНИИ Н. Б. ЮСУПОВА

В фигурах двух людей у крыльца художник повидимому изобразил Пушкина (третий справа) и Вяземского (четвертый справа)

Рисунок Де-Куртейля

Музей-усадьба Архангельское, Московская область

«назначенного» в Академии, а в 1813 г. за картину «Филоклет, оставленный на острове Лемносе»—звание академика живописи. Ко времени 1811—1817 гг. относятся картины Куртейля, находящиеся в Петергофских дворцах, например: «Кузница Сестрорецкого завода». С 1817 г. картины Куртейля появляются в Архангельском, а в 1820 г. он приглашается расписывать в Архангельском стены дворца, возобновляемого после пожара. Он пишет плафон для главного зала на тему «Амур и Психея». С тех пор Куртейль остается в Архангельском на постоянное жительство. Одним из поздних произведений Куртейля в Архангельском и является наш рисунок. Проживая в Архангельском, Куртейль занимался обучением живописи детей крепостных, подготовляемых преимущественно для работы на Архангельском фарфоровом заводе. По своим художественным склонностям Куртейль примыкает к Приюдону, его картины сочнее и романтичнее картин Давида.

С. Бессонов

IV. НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПУШКИНА

В медной овальной рамке старинный раскрашенный рисунок. Знакомый профиль поэта, слегка искаженный карикатурной трактовкой рисовальщика. Темные курчавые волосы вьются вокруг висков, характерные широкие бакенбарды обрамляют щеки, высокий воротник подпирает подбородок, крупный нос слегка свисает над выдвинутой верхней губой; лоб изрезан морщинами, взгляд под тонкой бровью смотрит живо и прямо. Очерк лица, несмотря на шаржировку черт, не оставляет сомнений в задании художника: это набросок пушкинского лица, исполненный не без сатирического оттенка, но с достаточной долей портретного сходства. Перед нами не просто зарисовка: это несомненно карикатура на Пушкина, но лишенная даже некоторого политического налета. Поэт подносит к устам и как бы целует ключ—атрибут придворного звания камергера. Это старинное отличие, прикрепляемое, согласно этикету, к пуговице поясицы, вызывало немало юмористических замечаний. Известно стихотворное обращение Пушкина к князю Вяземскому, в котором он иронизирует над его камергерской эмблемой.

Сам поэт, как известно, не был облачен этим высоким чином, а получил на тридцать пятом году совершенно несоответствующее его возрасту и громкому имени звание камер-юнкера, сильно раздражавшее его самолюбие. Насколько титул этот не соответствовал общественному положению Пушкина, можно судить по тому, что в строго официальных документах военно-судного дела над Дантесом-Геккерном Пушкин неправильно именуется «камергером двора е. и. в.» и только к самому концу процесса, перед вынесением приговора, Аудиториатский департамент военного министерства запрашивает 16 марта 1837 г. Придворную контору: «какое имел звание умерший от полученной на дуэли раны Пушкин, камер-юнкера или камергера двора е. и. в.?» Только получив из министерства императорского двора соответственное разъяснение, что «умерший 29-го прошедшего Генваря титулярный советник Александр Пушкин состоял при высочайшем дворе в звании камер-юнкера», военный суд вносит этот корректив в последние документы производства. Поэт числился среди «вторых чинов двора»—неизвестных и совершенно незначительных представителей великосветской молодежи. Тем не менее смысл карикатуры ясен: вольнолюбивый поэт лелеет мечту о высших придворных почестях. В обществе действительно существовало мнение, что Пушкин стремился получить звание камергера. Баргнев сообщает, что сам поэт говорил Нащокину, будто Бенкендорф предлагал ему камергерский титул, желая его ближе иметь к себе, но он отказался, заметив: «Вы хотите, чтоб меня также упрекали, как Вольтера?» Приятель Пушкина Вяземский, относившийся к нему не с полной искренностью и не всегда доброжелательно, писал после его смерти великому князю Михаилу Павловичу: «не скрою, что он был тщеславен и суетен. Ключ камергера был бы тем отличием, которое он принял бы, но он считал несоответственным своему возрасту получить звание камер-юнкера в самом разгаре своей деятельности на ряду с подростками и дебютантами в обществе».

Такие мнения широко распространялись в петербургском «высшем свете», порождая иронические замечания, эпиграммы, пасквили и карикатуры. Муж «черноокой Россетти» Н. М. Смирнов сообщил по поводу назначения Пушкина камер-юнкером: «На сей случай вышел мерзкий пасквиль, в котором говорили о перемене чувств Пушкина, будто он сделался искателем, малодушен, и он, дороживший своею славою, боялся, чтоб сие мнение не было принято публикой и не лишило его народности».

Но к соображениям политической чести и литературной славы примешивались сложные личные чувства. Приближенье Пушкина ко двору определенно связывалось и инте-